4
М-53

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ

Москва—1966

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

61949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Москва—1966

4
М-53
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИЯ-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
61949

Оргкомитет совещания:

Ю. С. Азарх, Г. П. Бондарук, Э. М. Мурзаев (председатель), Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой, М. К. Шарашова (секретарь)

Редакционная коллегия:

Э. М. Мурзаев, Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой

Э. М. МУРЗАЕВ

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ РОЛЬ В ТОПОНИМИКЕ

1. Местные географические термины (номенклатурные термины, индикаторы, нарицательные слова) в последние годы не случайно стали объектом внимательного массового изучения со стороны лингвистов и географов (Г. К. Конкашпаев, В. А. Никонов, А. П. Дульзон, Р. М. Юзбашев, В. Н. Попова и др.). Это прямо связано с развитием топонимики. Именно термин нередко определяет смысловое содержание топонима и сам по себе, либо в словосочетаниях или словосложениях, несет определенную и богатую географическую, социологическую информацию, и в первую очередь указывает на географические реалии (*подол, полонина, карасу, слобода, хутор, гоби, баклуша, мукыр*). Любое топонимическое исследование не может игнорировать местную терминологию, а должно начинаться со сбора и систематизации простых географических терминов.

2. Географические условия, природная среда, специфика материальной культуры, направление хозяйства порождают географическую терминологию, ее детализацию и специализацию. У славян существует хорошо отработанная специализированная болотная терминология (В. М. Мокиенко, см. в настоящих тезисах); у тюркско-монгольских народов отмечается богатство терминов, связанных с классификацией пастбищ или с элементами микрорельефа, имеющих значение при ориентировке на плоских равнинах во время кочевий; у народов с развитым орошаемым земледелием — детальная ирригационная терминология. Так, в древних земледельческих оазисах Средней Азии, даже там, где преобладает ныне тюркоязычное население, термины, касающиеся поливного хозяйства, в основе — унаследованные ираноязычные.

3. Изменение природных условий, смена ландшафтов, системы хозяйства вызывают смысловые сдвиги в географической терминологии. Они показаны нами ранее на многочисленных примерах (см. «Словарь местных географических терминов»). Здесь важно подчеркнуть, что изменения содержания термина обычны и в одной языковой среде, и в этом случае они интересны не только топонимистам и географам,

но в первую очередь — диалектологам. Именно знание узколокальной семантики географических терминов (а она обычно локальна и меняется от места к месту) позволит более правильно решать этимологические вопросы, а это было и остается важным направлением топонимической науки.

Общеизвестна синонимия *лес=гора* в славянских языках, непривычное соответствие *тайга=безлесные горы* в тюркских и названия гор в Германии: *Шварцвальд, Тюрингенский Лес, Чешский Лес,* в которых немецкое *wald* выступает как термин, не соответствующий объекту. Между тем здесь дело в географических условиях, в тех реалиях, которые сделали возможным подобные лексические соответствия. В. А. Никонов (1961) отмечал множество названий с основой *гай,* которые «занимают широкую полосу от Адриатического моря до Нижнего Поволжья, соответствуя природным условиям (островки лесов в степи)».

4. Элементарные географические термины лежат в основе громадного количества собственных географических названий. Роль таких терминов в разных языковых средах не равнозначна. В составе славянских, как и некоторых других индоевропейских языков, современные географические названия в меньшей степени испытывают влияние номенклатурной терминологии, чем в средах финно-угорской, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, в которых подавляющее большинство топонимов образовано с участием местных терминов. В ряде случаев они выступают и единолично, самостоятельно, образуя собственное название. Не равнозначна роль географической терминологии и в образовании географических названий разных категорий: гидронимов, оронимов, населенных мест. В Белоруссии только 10% гидронимов включают местный термин, но названия городов, сел, деревень, хуторов—60% (В. А. Жучкевич, см. настоящие тезисы). Какова же причина такого различия? Может быть, она кроется в давности одних и молодости других. С течением времени термин: а) отсекается: *Москва,* а не *Москва-река; Вахш,* а не *Вахш-дарья; Архангельск,* а не *Архангелогородск.* Такие эллиптические названия в действительности явление гораздо более частое, чем мы предполагаем; б) теряет свое смысловое значение, лишается содержания и приобретает функцию форманта.

5. Многие, но не все, форманты — суть стершиеся термины, семантика которых потеряна, и иногда ее можно восстановить путем специального лингвистического исследования (*-еньга, -юга, -уга, -юг* в финно-угорских языках, разные точки зрения у А. К. Матвеева и Б. А. Серебренникова). Частое повторение одного и того же форманта в собственных географических названиях одного и того же объекта (реки, горы, озера), позволяет говорить со значительной долей вероятности о тер-

минологическом происхождении формантов, которые в этом случае оказываются субстратными терминами.

6. Местные географические термины в грамматическом отношении могут выступать в топонимических образованиях в разных позициях и положениях — в виде основы, либо в роли суффикса: *Дон, Каракум, Стара-Планина, Балкан;* но *Солнечногорск, Дивногорск, Светогорск* и т. д. И в этом ряду на *-горск* уже происходит семантическое расщепление: а) *-горск*=«гора» (*Пятигорск, Хибиногорск, Магнитогорск*) и б) *-горск*=«город» (*Светогорск*).

7. В системе местной географической терминологии можно наметить следующие три категории слов, исходя из их распространенности и функций в языке: а) родовые, обозначающие ландшафты, крупные элементы рельефа, гидрографии и т. д. В качестве примеров можно привести: *степь, лес, река, озеро, болото, гора* (*горы*), *хребет, возвышенность;* б) видовые, обозначающие более ограниченные элементы природной среды, типы ландшафтов, а не их зональную структуру: *бор, урман, белок, голец, пик, гребень, старица, курья, сырт, затон, рукав* (см. также Н. В. Подольская в настоящих тезисах). Многие из видовых терминов, заимствованные в состав общелитературного языка, широко распространились, но в топонимии они остаются ареальными явлениями. На Карпатах или Кавказе нет *гольцов* или *белков,* в горах Сибири нет *полонин,* на Крымской Яйле нет *камней,* которые обычны на севере Уральских гор.

Среди видовых терминов особое место занимают эндемики, фиксируемые на ограниченных ареалах и более нигде не встречающиеся. Их сбор, систематизация, сравнительное изучение представляет выдающийся интерес для топонимиста.

Сравнительный лингвистический анализ, как правило, позволяет обнаружить близкие формы и архетипы, указывающие на древние языковые связи современных насельников, сохранивших эти термины, с далекими предками. К таким эндемикам можно отнести тувинское *хем,* туркменское *тоголок,* монгольское *мурэн.*

8. Увлекательная проблема выяснения первичного значения самых простых географических терминов требует глубокого исследования массового топонимического материала. Можно ли в исходе поставить знак равенства между словом хинди *ганг*—«река», индокитайским *конг,* южнокитайским *цзян,* корейским *кан(г)* в том же значении и южносибирским *кан* с восстанавливаемым значением «река»? Можно ли утверждать, что монгольское *гол*—«река», тюркское *голь, коль, куль*—«озеро» имеют одну первичную основу? Еще десять лет назад такие вопросы показались бы бессмысленными и лишенными всякого основания.

9. У ряда географических терминов нередко видны удивительно обширные ареалы, не считающиеся с современными лингвистическими границами. Несмотря на семантическую прозрачность и фонетическую однородность или очевидную близость, идентичность таких терминов вызывает настороженность и скепсис. Но проходят годы, увеличивается количество фактов, неопровержимо показывающих единство громадных ареалов, которые демонстрируют поразительную устойчивость терминов и древние историко-географические связи на необозримых просторах Евразии. Примеры: *гора; то (тор)* — «озеро» в пределах от Тихого океана на востоке до Коми АССР на западе; *шань* — «гора» от Индокитая и Японии до Киргизии и Казахстана; *кошка — кашка* от Кольского полуострова до Средней и Передней Азии.

10. Итак, местные географические термины — ключ к раскрытию этимологии многих географических названий, но и сами по себе они интереснейший объект научного исследования. Это вызывает в первую очередь необходимость их сбора и систематизации. Конечный ее итог — составление академического словаря географических терминов, отмеченных на территории Советского Союза. Такое издание, рассчитанное на несколько томов, можно осуществить примерно в течение десяти лет силами лингвистов и географов многих университетских и академических коллективов страны. Обязательное условие — единая программа. Подобный свод даст в руки исследователей богатейшие возможности для развития топонимики в СССР. Но этим, конечно, не исчерпывается значение словаря. Оно многообразно и многопланово.

Ю. А. КАРПЕНКО

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ТОПОНИМОВ

1. Как известно, географические термины и топонимы различаются тем, что первые называют класс однородных географических предметов, а вторые именуют отдельные такие предметы, что первые выражают понятия, а вторые их не выражают. Иными словами, различие заключается в том, что географические термины являются нарицательными названиями, а топонимы — собственными. В этом смысле данные две лексические группы, допуская многочисленные случаи перехода слов из одной группы в другую, не допускают никаких переходных состояний: либо топоним, либо номенклатурный термин, какого-либо среднего (третьего) состояния оно не может иметь.

2. Однако этот вопрос можно рассмотреть и с другой точки зрения, нисколько не исключающей первую. Ни по распространению, ни по семантической емкости географические термины не являются однородными. Наиболее распространенные из них обычно и наиболее всеобъемлющие, наиболее абстрактные: они группируют географические явления лишь по немногим признакам, часто только по одному, абстрагируясь от остальных признаков.

Так, термин *река* указывает на признак постоянности течения воды, а термин *гора* — на признак возвышенности (в обоих случаях им сопутствует также признак значительности размеров). Если к этим признакам прибавить еще только по одному, то вместо слов *река* и *гора* появятся десятки географических терминов, обозначающих разные виды рек и гор. Эти термины имеют обычно более узкое, локальное употребление.

Такую операцию можно повторить несколько раз, получив в результате для каждого общеупотребительного географического термина типа *река, гора, озеро, лес* и т. д. пирамиду географических терминов, в которой каждый нижний ряд отличается от верхнего большей локальностью и меньшей абстрактностью: термины каждого последующего ряда учитывают все большее количество признаков географических объектов, являясь все более конкретными. Одновременно количество предметов, составляющих объем географического термина, с каждым рядом все более уменьшается.

И самый нижний ряд такой пирамиды составляют ... топонимы. Именно в топонимах завершаются все те тенденции, которые формируют описанную пирамиду географических терминов. Локальность сводится к точке, количество предметов-представителей — к единице, абстрактность исчезает, а количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта.

С этой точки зрения дихотомическое членение географических названий заменяется многослойной иерархией, которая вполне допускает географические термины, более или менее отдаленные от топонимов, допускает и состояния, являющиеся в известном смысле переходными.

3. Может вызвать сомнение мысль о том, что в топонимах количество признаков, учитываемых названием, охватывает все признаки данного географического объекта. Это объясняется тем, что топоним не перечисляет признаков объекта, а именует его в целом. Но топонимическое значение собственного географического названия является ведь не чем иным, как указанием на признаки предмета. Имея в виду определенный географический объект, топоним тем самым по сути указывает на совокупность его признаков.

Собственно говоря, топонимы, будучи знаками для различения географических объектов, сами по себе никаких признаков этих объектов не выражают. Если мы впервые слышим какое-либо собственное географическое имя, то никаких признаков соответствующего географического объекта мы из этого имени, конечно, не извлечем. Именно данную ситуацию характеризуют известные слова К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [1]. В этом случае топоним содержит для нас не признаки географического объекта, а лишь потенциальную возможность выражать эти признаки. Но чем больше узнаем мы об объекте, тем большим количеством признаков насыщается его название. Знания об объекте концентрируются в его названии, которое может заменять целые страницы описания.

В этом можно убедиться на примерах, когда от топонима отнимается хотя бы один (известный нам) признак географического объекта. Нечто подобное сейчас происходит с топонимом *Черемушки,* названием наиболее известного района новостроек Москвы. Газеты пишут о *Черемушках* в разных городах, например: «В район Чиланзара — ташкентских Черемушек оперативно переселяются те, чьи дома грозит разрушить новое землетрясение» («Известия» от 13 мая 1966 г.).

Топоним *Черемушки* в подобных случаях утрачивает лишь один признак — «московский, находящийся в Москве», и тем самым по сути перестает быть топонимом. Когда говорят о ташкентских или минских *Черемушках,* то эту лексему употребляют как наименование класса однородных предметов, а не единичного предмета — как географический термин, а не топоним. Только молодость такого употребления позволяет здесь пользоваться еще прописной буквой. Если подобное употребление закрепится традицией, то прописная буква, несомненно, со временем заменится строчной.

4. Именно таким путем, путем утраты одного или нескольких признаков, топонимы и превращаются в нарицательные географические термины. Ср. укр. *дунай* — «поток; разлив реки» и румынские видовые названия проточной воды — *nistru, prut* [2]). Ср. также научный географический термин *меандр,* возникший из собственного имени извилистой реки *Меандр,* и т. д. И если две противоположные части г. Хмельника, Винницкой области УССР, наиболее удаленные от центра, имеют бытовые названия *Сахалин* и *Камчатка,* то здесь мы имеем дело не просто с перенесением топонимов, а с выделением в них только некоторых признаков, с пониманием их

[1] К. Маркс. Капитал, т. 1. Госполитиздат, 1955, стр. 107.

[2] I. Iordan. Toponimia românească, [Bucureşti], 1963, стр. 95.

как наименований для целого класса объектов. Иначе говоря, топонимы делают здесь шаг к географическим терминам, хотя и не становятся еще ими.

Переход топонимов в географические термины имеет, таким образом, принципиальное отличие от многочисленных превращений их в разные нарицательные слова негеографической семантики (*Боржоми*>минеральная вода *боржоми, Бостон*>сукно *бостон* и т. д.). В первом случае собственное географическое имя только теряет часть признаков, а во втором оно одновременно и приобретает ряд новых признаков.

5. Противоположный процесс увеличения количества признаков, учитываемых названием, приближает географические термины к топонимам, а иногда и превращает их в топонимы. С увеличением числа учитываемых признаков смысл географического термина становится столь конкретным, что лишь небольшое количество объектов отвечает этому термину. Если при этом данные объекты рассеяны на территории достаточно редко, то в каждом отдельном случае географический термин употребляется как собственное имя объекта. Ср. наименование на Буковине некоторых хуторов *Выгнанкой,* речек — *Млынивкой,* пастбищ — *Толокой.*

Географические термины могут превращаться в топонимы на разных уровнях и в разных ситуациях. Например, среди группы однородных географических объектов наиболее существенный для населения называется часто только номенклатурным именем (которое, таким образом, становится топонимом), а для остальных объектов образуются специальные наименования, отличные от номенклатурного. Население ограничивается только номенклатурным именем и в том случае, если на данной территории есть лишь один объект определенного типа, и его поэтому нет нужды как-то выделять из числа однородных объектов.

Эти пути перехода географических терминов в топонимию, представляющие разновидности топонимической синекдохи, дополняются еще более многочисленными случаями топонимической метонимии, когда географический объект получает в собственные имена номенклатурное название другого, находящегося рядом объекта. Например, селение возле *багны* (болотистой местности) называется *Багной.*

Но основным видом связи географических терминов с топонимами является описанная выше их конкретизация, которая заключается в возрастании количества учитываемых признаков географических объектов.

Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ

НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

1. В состав терминологической системы любой науки входит ее номенклатура, составляющая некоторую особую область терминологии. По меткому выражению А. А. Реформатского, номенклатура «этикирует» объекты науки.

2. Номенклатура обладает своей системностью, последовательно подчиненной системности понятий данной науки.

3. В состав номенклатуры некоторых естественных наук, таких, как физическая география, ботаника, зоология, геология, проникают народные термины (особенно для обозначения видовых понятий). В результате этого наблюдается известная противопоставленность лексического состава номенклатуры и других терминологических групп данной науки. Ср. в географии в номенклатуре: *сырт, наволок, луда* и т. п.; в других терминологических группах: *эрозия, морфология суши, избыточное увлажнение* и т. п.

4. В номенклатуре такой науки, как ботаника, также имеется значительное число народных терминов, например, *багульник, барвинок, костер, молочай, девясил* и др. (см. А. И. Киселевский «Белорусская ботаническая терминология». Автореферат. Минск, 1962, стр. 7). Но в большинстве случаев в ботанике наряду с народным термином существует термин латинский: *ландыш* — Convallaria Desf., *куколь* — Argostemma, *чернушка* — Nigella и т. п. (Хотя, с другой стороны, многие латинские термины стали народными. Ср. Phaseolus L.— *фасоль,* Lilium L.— *лилия,* Rosa L.— *роза*). Более того, «ботаника располагает многовековыми традициями классической (латинской) терминологии, основателем которой был К. Линней и другие основоположники ботанической систематики» (А. И. Киселевский, указ. раб.).

5. Физическая география не располагает ни строгой системностью ботаники или зоологии, ни соответствующей системой латинских терминов. Народные термины в географии составляют основной фонд ее номенклатуры. Ни в одной другой науке мы не встретим столь широкого и непосредственного проникновения народных слов в терминологию. «Такие слова, как *алас, лайда, такыр, карасу, кучугур, булгунях, ерик, ильмень, яр, сель, курум, голец, белок, сырт, тугай, култук,* можно встретить не только в региональной литературе, но и в общих курсах физической географии, геоморфологии, гидрологии, климатологии и др. наук» (Э. и В. Мурзаевы «Словарь местных географических терминов». М., 1959, стр. 4).

6. Причины столь широкого проникновения народных слов в номенклатуру некоторых естественных наук заключаются в следующем. Научная терминология «возникла только тогда, когда в обиходе уже имелась так называемая «народная терминология» (А. И. Киселевский, указ. раб., стр. 7). В частности, для географической терминологии это обусловлено еще и тем, что «каждая зона имеет свои специфические, только ей присущие природные ландшафты и процессы, обозначаемые словами, совершенно или почти неповторяющимися в другой географической обстановке» (Э. и В. Мурзаевы, указ. раб., стр. 3).

Для географии мы можем говорить о проникновении народных терминов не только в номенклатуру, но и в другие области ее терминологии.

7. Происходят взаимодействующие процессы в трех лексических сферах языка: общелитературной, диалектной, научнотерминологической. В одних случаях слова «рождаются» географическими терминами, например: *болото, озеро, овраг (враг), дол* и др. (см. их этимологии); в других — они становятся ими. Процесс терминологизации слов происходит в географической номенклатуре как из сферы общелитературной, например: *губа, нос, хвост, рог, плечо, рукав, рубец, рынок, прилавки, разбой, щетка* (причем в качестве терминов эти слова часто получают узко локальное распространение), так и из сферы диалектной, например: *крынка, гать, жарки, печина, рель* и т. п. Уже внутри географической номенклатуры наблюдается известная систематизация; например, многие родовые понятия выражены словами из общелитературной (и общенародной) сферы лексики, а подчиненные или видовые понятия — словами диалектными: родов.— *болото,* видов.— *корба, мох, мшара, мшага, ржавец, рям, ольга, кога,* и др.; родов.— *озеро,* видов.— *вад, орга, околом, криницы,* и др.; родов.— *лес,* видов.— *ельня, кедровик, колок, кодру, мянда* и др.

8. Не все народные (местные) географические термины входят в номенклатуру. Собственные географические имена не являются номенклатурными терминами, даже если они возникли из них.

9. Возможна ли систематизация и нормализация народных географических терминов?

В. И. ТАГУНОВА

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ

1. Географические термины разнообразны; они обнаруживают тесную связь с природными и экономическими условиями, с различным населением и его языковой спецификой.

2. Многие географические термины отличаются устойчивостью, что объясняется их широким употреблением в практике языкового общения, закреплением в письменности, соответствием основным словообразовательным моделям данного языка и др. Таковы, например, термины *город, село, деревня, гора, поле, река, озеро* и др.

3. В то же время в географических терминах происходят некоторые изменения, что связано с изменениями в общественно-экономических формах жизни, с определенными процессами языкового характера. Эти исторические изменения касаются в основном состава географических терминов, характера употребления их в речи, их значений.

4. К изменениям в составе географических терминов относится, например, постепенное исчезновение из употребления ряда терминов, имевших в прошлом, судя по старым писцовым, межевым книгам, спискам населенных мест и другим документам, значительное распространение. Таковы, например, термины *губерния, уезд, пустошь, сельцо, хутор, оброчный луг,* а также наименования типа *полсело, полусельцо, полдеревни, полупустошь,* отмечавшиеся, в частности во Владимирской губ., еще в XIX в.

Под влиянием литературного языка начинают выходить из употребления диалектные термины со значением частей селения, например: *проулок, заулок, прогон, конец, линия.*

5. Отдельные термины могут расширять свое значение в местном употреблении. Например, название *Стрелка* в ряде селений Владимирской и Горьковской областей имеют некоторые овраги, впадающие в овраги, ручьи, луга, лесные участки, поля, озера, болота. Название *Сеча* и его варианты — *Сечи, Сечь, Сечка* относятся к полю, лугу, водоемам, лесным участкам.

Некоторые термины могут приобретать узко локальное значение, отличное от их значения в общенародном языке. Например, у бурят земледельческих районов Восточной Сибири, поскольку степи превратились в поля, термин *хэр* (степь) приобрел значение «поле».

6. В характере употребления географических терминов в языковой практике отмечаются следующие явления: 1) Процесс перехода ряда географических терминов—нарицательных существительных в собственные имена—топонимы, при этом

сам индикатор—термин выступает как собственное имя объекта. Это изредка наблюдается в русском языке (*Роща, Бор, Пруд, Озеро*), а также и в других языках (например, ряд эвенских топонимов в Магаданской обл. по своему лексическому составу представляет собой географические термины: залив *Одян* от слова *одян*—«залив», хребет *Гыдан* от слова *гидан*—«хребет» и др.); 2) Топоним терминологического происхождения может относиться и к иному виду объекта. Примеры: лес *Овраг,* луга *Селище, Роща,* деревни *Остров, Городок, Поляна, Горы* и др. В качестве топонима географический термин может выступать с аффиксированной основой типа: ул. *Подгора,* загон *Заполе,* поля *Забугорье, Запрудье,* луг *Заречье* и др., а также в сочетании с предлогом: поля *За городом, За селом, Под горой, К роще,* болото *Под гривой* и др.; 3) Географические термины *гора, озеро* и некоторые другие могут использоваться в качестве второго компонента сложных топонимических именований. Примеры: села *Никологоры, Двоезеры* (Влад. обл.). То же явление наблюдаем в башкирском топониме *Янган-тау* (Горелая гора), где *тау*—«гора», в удмуртских названиях, где топоним *Такагурт* произведен от *така*—«баран» и *гурт*—«деревня», и др. В некоторых языках в составе словосложения термин может утрачивать свое первоначальное значение нарицательного названия объекта, превращаясь в словообразовательный суффикс, в незначащий в устах населения топонимический формант; 4) Географические термины включаются и в топонимические словосочетания, например, типа: а) прилагательное+имя существительное-географический термин, указывающий вид данного объекта (*Ульянино поле, Морев овраг, Рябинкина гора*); б) прилагательное+имя существительное-географический термин, который служит для названия другого объекта, теряя при этом свой номенклатурный характер (поле *Марьина Роща,* с. *Кляземский Городок*).

7. Изучение состава географических терминов, выяснение их значений и характера употребления в качестве топонимов приводит к выводу об утрате географическими терминами в ряде случаев однозначности, о широком вовлечении их в систему топонимических именований, о переходе некоторых из них в словообразовательные форманты, об изменениях в составе географических терминов.

8. Широкий сбор местных географических терминов, выяснение значений определенных географических понятий, наблюдения за историческими изменениями в географической номенклатуре представляет значительный интерес для историков, географов, картографов, лингвистов. В этой работе окажет большую помощь словарь географических терминов.

Е. М. ПОСПЕЛОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АНАЛИЗЕ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

Для севернорусской субстратной топонимики финно-угорского происхождения характерно образование названий физико-географических объектов путем сочетания существительного или прилагательного с географическим термином, определяющим род объекта. Этим названиям в полной мере так же свойственно возникающее на ранних этапах развития топонимии использование географических терминов в функции имени собственного без какой-либо переработки. Таким образом, выявление терминов играет первостепенную роль и при анализе топооснов, и при анализе так называемых «топоформантов» субстратной топонимии. По существу чисто формальный формантный анализ в этом случае сводится к анализу географических терминов. Поэтому анализ географической терминологии может считаться основным методом изучения субстратной топонимии.

Однако при выполнении этимологического или формантного (фоностатистического, структурно-фонетического) анализа севернорусской субстратной топонимии роль географических терминов зачастую забывается. Особенно ярко это забвение проявляется при различных фоностатистических подсчетах, когда группируются звуки, относящиеся к основе и термину, и рассматриваются наравне с сочетаниями, относящимися только к основе. Столь же неприемлема и этимологическая прямолинейность, когда подбираются значения, объясняющие все название целиком, без учета необходимости вычленения термина.

Забывается это положение и при рассмотрении двусложной топонимии с окончанием *-а*, т. е. названий типа *Еньга, Шокша, Охта, Ерга, Курга* и т. п. Количество таких названий значительно; на их долю приходится около 15% всей субстратной топонимии, причем многие из них имеют не только широкое самостоятельное употребление, но и входят в состав других топонимов в качестве основы или топоформанта. Известно мнение, что эти топонимы представляют собой топоосновы, утратившие термин и в ряде случаев осложненные элементом *-а*, возникшим на русской почве. Сколько-нибудь серьезных доводов в обоснование этого положения обычно не приводится.

Не отрицая в принципе возможности существования случаев утраты термина, нужно рассмотреть и другие объяснения возникновения этой топонимии. Прежде всего, значительная часть таких топонимов представляет собой простые ге-

ографические термины. Многочисленные примеры таких названий-терминов неоднократно рассматривались в литературе и не нуждаются в иллюстрациях. Нельзя также исключать возможность образования двусложных названий из исходных трехсложных форм (содержавших термин) в результате редуцирования заударного гласного (*Сеньга*<*Сенега*). Таким образом, представление о двусложных топонимах как о чистых основах, утративших термин, оказывается излишне упрощенным. Одни из этих топонимов не утратили термин потому, что они сами являются терминами, употребленными в функции имени собственного, а другие представляют значительно измененные сочетания основы с термином.

Очевидно, что при выделении терминов нельзя исходить лишь из современного звучания (написания) названий, но необходимо также учитывать возможные фонетические изменения, происшедшие в процессе развития языка, наличие диалектных вариантов, изменений, связанных с заимствованием терминов различными субстратными языками, и, наконец, изменения, происшедшие в русском употреблении. Это общеизвестное, но нередко игнорируемое положение проиллюстрируем несколькими примерами. Прежде всего укажем на убедительное исследование Б. А. Серебренникова, показавшего терминологический характер элементов *-еньга, -аньга* и связь с ними терминов *юг, уг*. Очевидно, к этому же термину сводится элемент *-енда* (ср. р. *Мезенда* и на ней населенный пункт *Мезенга*). Известное образование суффикса *-s* из *-*ks* позволяет форманты *-ос, -ус, -ас* связывать с терминами *окса, укса, акса*—«рукав реки, приток» (ср. р. *Пет* и ее приток *Петас*<**Петакс*), а широкая распространенность вариантов *с/ш* позволяет распространить это положение на топонимы с формантами *-ош, -уш, -аш*. Эти термины известны и в самостоятельном употреблении в виде топонимов (*Окса, Окша, Акша*). Примером широко развитой диалектной терминологии могут служить термины, обозначающие «озеро»: *ярви, ярьв, ярв, яр, ярь, явр, яур, ягр, яхр, ер, ерь, ерьке,* а также, очевидно, *егр* и *ерг,* причем с последним вариантом могут быть связаны *ерж, ерз* (ср. р. *Ержа,* р. *Ерзеньга*). Как пример воздействия русских говоров укажем названия *Пенюх, Сезух, Ландех* и т. п., образовавшиеся из исходных *Пенюг, Сезуг, Ландег.* Таким образом, неизвестный формант *-х* сводится к распространенным терминам-формантам *юг, уг, ег.* (ср. ареал топонимии на *-х* и диалектологическую карту употребления *х* на месте *г* в Атласе говоров к востоку от Москвы). Приведенные примеры показывают, что внимательный учет фонетических данных позволяет в значительной степени сократить перечень формантов (а их выделяют до 120 типов!) и объединить их в группы, сводимые к уже известным терминам.

Основным критерием правильности выделения терминов служит широкое сравнение топооснов и топоформантов. Например, выделение в названиях *Котлас* и *Котлакса* сопоставимых элементов *лас* и *лакса* (а не *-ас* и *-акса*) подтверждается существованием гидронимов *Кот/уга, Кото/бола, Кот/ас,* где отчетливо прослеживается основа *кот.* В то же время неизвестны гидронимы с основой *котл,* а элементы *лас* и *лакса* в роли топоформантов представлены достаточно широко. Этот же сравнительный метод позволяет, например, отвергнуть предлагаемое объяснение топоосновы *ил*—«озеро», поскольку она ни разу не встречается ни в виде топоформанта, ни самостоятельно.

В процессе такого сопоставления выявляется ряд плеоназмов, т. е. топонимов, образованных сочетаниями равнозначных терминов: *Сорваж, Сорокса, Шорега, Вожега, Важуга, Важеньга, Важель, Егикурь* и ряд других. Это обстоятельство очень важно для установления относительной топонимической стратиграфии. Например, в основе топонимии на *-еньга, -аньга* в ряде случаев встречаются термины на *-кса, -кша* (*Векш/еньга, Шукш/еньга*), но наоборот — никогда.

Наблюдения над субстратной терминологией позволяют также прийти к выводу о существовании в прошлом недостаточно четкой дифференциации понятий *озеро* и *река.* Например, термин *вож* встречается и в названиях озер (оз. *Воже*), и в названиях рек (реки *Вож, Воже, Наровож, Нырвожа*). Также употребляется и термин *ега* (р. *Онега* и оз. *Онего* (Онежское), и термин *икша* (ср. названия ряда карельских озер с этой основой). Это обстоятельство может служить косвенным признаком большей древности подобных терминов по сравнению с более четко дифференцированными.

Н. И. ТОЛСТОЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Географическая терминология славянских литературных языков, как и любая другая терминологическая сфера, стремится к системе, в которой все члены были бы однозначны — достаточно четко соотнесены со своими денотатами и друг с другом. Разнообразие географической среды (денотатов) и ее региональная специфичность ведут, однако, к тому, что каждый славянский литературный язык допускает в той или иной мере региональную терминологию, которая чаще всего приближается к диалектной, но не всегда ей идентична. Ге-

ографам, так же как и ботаникам, зоологам и метеорологам, при создании своей национальной терминологии приходилось часто заниматься отбором и классификацией терминов, почерпнутых в основном из разноликой живой народной речи. Это одна сторона вопроса, связанная с нормированием, стандартизацией литературного языка, вернее, его научно-специального лексического слоя.

С другой стороны, система терминов в каждом конкретном диалекте отличается от системы литературного языка прежде всего большей открытостью и подвижностью, неравномерной детализацией в разных отделах конкретной терминологической сферы (в одних больше, в других меньше), при обычно меньшем числе терминов для сферы в целом. Иначе говоря, мы часто наблюдаем диалекты, где необычайно полно и дифференцированно представлена, например, болотная терминология и очень бедно — орографическая. Такое положение хорошо известно диалектологам. Оно давно объяснялось в основном зависимостью от внешней среды (набора денотатов), в нашем случае — от географического фактора. Однако можно наблюдать и такие факты, когда при идентичных внешних условиях в разных диалектах обнаруживается различная терминологическая дифференцированность, различная система терминов, т. е. по сути дела различная языковая сегментация внеязыкового мира. Здесь уже мы сталкиваемся с явлением чисто лингвистическим. Исследование этого явления на материале географической терминологии особенно важно, так как именно в этой сфере влияние внешней среды должно быть гораздо значительнее, чем во многих других сферах.

Географическая терминология может дать материал для лексико-семантической типологии славянских диалектов, как и любая другая группа (или поле) славянских слов. В этом отношении к ней применимы положения и операции, изложенные нами в другой работе[1]. Однако ей присуща своя специфика. Так, она является одним из основных резервуаров для топонимики, прежде всего микротопонимики, и часто на конкретной территории в конкретных диалектах занимает промежуточное положение между ономастической в широком смысле этого слова и номинативной (нарицательной) сферами языка. Именно поэтому она иногда включается в монографии по топонимике отдельных территорий (см. работы С. Грабца, Я. Рудницкого и др.). В отличие от чисто ономастических топонимов, которые, согласно Е. Куриловичу, только называют, топонимы, в состав которых входят географические термины, обычно также обозначают. Обозначение

[1] См. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I. В. Я., 1963, № 1, II. В. Я., 1966, № 5.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

сменяется исключительно называнием тогда, когда в говоре исчезает термин, но сохраняется топоним. Поэтому важно создание параллельных топонимических словарей-описаний и словарей географических терминов для отдельных территорий, а также параллельных атласов. К последней задаче только подошла, но нигде ее не выполнила славянская лингвистическая география и топонимика.

Весьма плодотворное стремление топонимистов оперировать топонимическими моделями и широко использовать статистический метод вело к изучению преимущественно формальной стороны — плана выражения в топонимике и в меньшей мере — плана содержания (смысла). Этимологизирование в топонимике без обращения к широкому статистически обработанному материалу ощущалось некоторыми топонимистами как нечто старомодное, напоминающее время первых топонимических штудий. Однако исследование содержательной стороны топонимов далеко не исчерпано, и здесь еще немало работы для исследователя.

Внимание славянских топонимистов-этимологов было обращено прежде всего на языковую принадлежность топонимов (славянский, балтийский, иранский, финский, романский и т. п.) и их моделей. Безусловно, это было и остается их первоочередной задачей. Однако и исследование семантики собственно славянских топонимов и в первую очередь топонимов, компонентом которых является географический термин, может дать значительные результаты. Здесь прежде всего следует обратить внимание на диалектное значение географического термина и его распространение, на систему-соотношение терминов, на их инвентарные и структурно-семантические различия. Одни и те же лексемы (=десигнаторы термина) могут означать разные географические реалии (=разные денотаты). Так, например, лексема-десигнатор *бор* (прасл. **borъ*) может иметь не только привычное для нас по литературным славянским языкам значение «сосновый лес», «сосна», но и «смешанный лес», «лиственный лес», «возвышенное место в лесу», просто «возвышенное место», наконец, «болото» и даже «ущелье, овраг». Польское диалектное гуральское *Janów bór* означало бы не «Иванов хвойный лес», а «Иваново болото»; черногорское *Иванов бор* — «Иваново ущелье», так же как южнорусское орловско-курское *Иванов верх* будет применимо не к вершине горы, а к оврагу. Число подобных примеров можно значительно умножить.

Ощущается необходимость создания:

а) славянских региональных словарей географической терминологии;

б) славянских региональных атласов географической терминологии наряду с топонимическими атласами;

в) монографий по сравнительному изучению славянских географических терминов.

Все это дало бы новый материал и основу для: 1) определения праславянского фонда в географической терминологии современных славянских языков (прежде всего, в их диалектах); 2) реконструкции праславянской географической терминологии с учетом истории и диалектного дробления праславянского языка. Последнюю задачу неоднократно на различном фрагментарном материале ставили многие слависты, но она по-прежнему остается актуальной для решения более широкой и извечной славистической проблемы — определения славянской прародины.

В. М. МОКИЕНКО

ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «БОЛОТО»

1. Исследователи географической терминологии подчеркивают зависимость последней от географической среды. Эта зависимость актуальна и для славянских терминов со значением «болото». Так, в «Словаре местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых (М., 1959) находим свыше 300 таких терминов, в работе П. Ницше «Die geographische Terminologie des Polnischen (Böhlau, 1964) их более 130, в монографии Й. Шютца «Die geographische Terminologie des Serbokroatischen» (Böhlau, 1957) они не превышают 30. При всей неравноценности сопоставляемых источников с точки зрения содержащегося в них материала такое количественное соотношение терминов со значением «болото» весьма показательно.

2. Один из источников пополнения географической терминологии — языковые взаимосвязи с другими народами. Богатство местной болотоведческой терминологии в русских говорах в определенной степени обусловлено заимствованием терминов из языков, на которых говорят или говорили соседи носителей говора: волог. *вадья*—«озерцо, болотце, окно в болоте», арх. *ворга* — «болото», олон. *орга;* арх., печор., кар. и сиб. *калтус*—«болото, кочкарниковая пойма, травянистое болото с кустарником», зап.-сиб. *нарым*—«болото» и многие другие. Ср. также польск. диал. *rojst, rojslo, rejsta* — «торфяное болото», кашуб. *mada*—«грязь», чеш. диал. и слвц. *maras, marast'*—«болото», сербохорв. *batlak*—«болото, топь», болг. диал. *азмак, батмак*—«болото» и др.

3. Заимствования, как правило, имеют узко локальный характер и составляют незначительную часть славянской болотоведческой терминологии. Основная масса терминов — славянская. Сопоставление этих терминов позволяет отметить несколько общих семантических особенностей их образования и функционирования.

Исходя из внутренней мотивированности славянских географических терминов со значением «болото», можно выделить несколько наиболее общих семантических моделей, по которым они образовались и образуются в славянских языках и диалектах [1].

а) Наименование болота по признаку цвета. С белым цветом соотносятся псл **bolto* (рус. *болото* и пр.), рус., укр., белор. диал. *бель, биль,* польск. *biel, biela* и производные. С красноватым цветом — укр. и польск. *руда, ruda* (ср. болг. *рудина* — «луг на вершине горы» и лит. *rudynas*—«болото»; рус. диал. *ржавец,* белор. *иржавинне,* укр. *ржавець,* польск. диал. *rdzawka* и производные (ср. сербохорв. *rdjavica*—«вид глины»; словен. *rjavica* — «коричневая земля» и др.); псл **mulь*—«грязь» (ср. лит. *mul'vė*—«грязь, болото») [2]. С черным цветом — рус. диал. *черень, чернь*—«торфяное болото». С серым цветом — польск. диал. *siwica, szarynnik* (от польск. *siwy, szary*—«серый») и др.

б) Наименование болота по признаку сырости, влажности. В этом ряду наиболее распространенными являются термины, образованные от корня *мок-:* рус. диал. *мочар, мочавина, мокрадь, мочажина* и др.; укр. *мочар, макна, мочвина, мокрач, мокляк, мочола;* белор. *мачыла, мочар;* польск. *moczar;* полаб. *müöcar;* кашуб. *muočor*; чеш. *močál;* слвц. *močiar;* болг. *мочур;* сербохорв. *močvar;* словен. *močvara* и мн. др. В западнославянских и южнославянских языках приведенные слова стали основными географическими терминами со значением «болото». По мнению некоторых этимологов, с идеей сырости связаны и такие термины, как сербохорв. *mlaka,* словен. *mlaka,* чеш. *mlaka,* польск. диал. *mlaka,* укр. *млака,* др.-рус. *молокита* и производные: сербохорв. *бара,* словен. *bara,* чеш. *bařina,* слвц. *bara,* польск. *barzyna,* русск.-цслв. *бара;* белор. *твань, тынь* и др.

О продуктивности этой семантической модели свидетельствуют и русские диалектные образования: пск. *сырина, сыринка;* печор. *сырь,* а также сочетания *мокрое, сырое, потное место,* обозначающие небольшие болотца, мочажины.

---

[1] При сопоставлении использовались как термины с прозрачной внутренней формой, так и термины, этимология которых затемнена или восстанавливается лишь при сопоставлении с неславянскими языками. Такое сопоставление не кажется противоречивым, так как речь идет лишь о типах семантической мотивировки терминов, безотносительно ко времени их образования.

[2] Некоторые этимологи относят к этому типу и псл диал. **bag(ъ)no.*

в) Наименование болота по признаку зыбкости, неустойчивости. Рус. *трясина*, белор. *трясовина*, укр. *трясавина*, польск. *trzesawisko* кашуб. *trasawisce*, чеш. *trasowisko*, слвц. *trasovisko*, сербохорв. *treset*, болг. *тресавище* и мн. др. производные глагола **tresti*. Рус. диал. *дрягва*, белор. *дрегва*, *дрыгва*, укр. *драгно* и др. — от **dregti*. Рус. диал. *зыбун*, *зыбель*, *зыбуха*, *зыбь* — от *зыбать*. Сюда же: олон. *дыбун*, арх. *ходун*, укр. диал. *двигнява*, польск. диал. *ligawica*, *ruchawka*, хорв. *biba* и др.

г) Наименование болот по признаку топкости, погружаемости. Рус. *топь* и производные, белор. *топина́*, укр. *топ*, польск. *topiciel*, полаб. *tüöpéina*, сербохорв. *tonja*, болг. *топило*. Рус. *грязь*, укр. *грузь*, словен. *grez*, сербохорв. *grez* в значении географических терминов. Рус. диал. *провал*, польск. диал. *przepadlisko*, н.-луж. *ps'epadlišc'o*. Рус. диал. *про́ница* и *про́низь* и др.

д) Наименования болот, возникшие в результате различных переходов значений. Например: «болотная растительность»—«болото»: рус. *мох*, *ряса*, сербохорв. *čret*; «лес»—«болото»: рус. диал. *гай*, гуцульск. *сигла*, чеш. *šlatina* и мн. др. Этот тип семантического образования особенно многообразен и требует детального исследования.

4. Выделенные модели представляются наиболее общими и продуктивными семантическими источниками образования славянской болотоведческой терминологии. По их типу образовывались как древнейшие славянские термины, закрепленные литературной традицией и специальной литературой, так и узко локальные, оказиональные слова в значении «болото».

5. Рассмотрение славянских географических терминов со значением «болото» как целого позволяет вскрыть закономерности их взаимодействия в рамках данного семантического поля и выявить некоторые особенности их образования.

В. А. ЖУЧКЕВИЧ

МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ БССР

Местные географические термины занимают в топонимике БССР видное место. Они составляют основу 10% гидронимов и до 60% названий населенных мест.

Можно выделить термины: 1) общегеографические (ландшафтные), 2) гидрографические, 3) относящиеся к рельефу и почвогрунтам, 4) названия растительных ассоциаций, 5) относящиеся к типам поселения и жилищ, 6) экономико-

географические (производственные, сельскохозяйственные, транспортные).

1. К ландшафтным относятся термины *полесье, поречье, полужье.*

2. Гидрографические термины более разнообразны. К их числу относятся *болóнь (полонь, полонка), свéржень (стéржень), крыницы (крынкá), вóлмище (вóлмина), вы́спа, вéдрище (вéдрич), прúпечь (припéчек), вир, лука, плисса* [1]. Стоячие воды обозначаются термином *сажалка.* Многообразны термины, относящиеся к болотам. Подобно тому как жители степей нуждались в специальных терминах для обозначения различных типов пастбищ, так и народ, живший близ болот, выработал для их характеристики ряд своих терминов. По мерé увеличения влажности в сочетании с типом растительности эти термины можно расположить в таком порядке: *вóлога, дрыгвá, гáло, вить (повúтье), мрóиво (мрáиво, мрай), бáгна, твань, слата, свидýны, блýжа.*

3. К рельефу и почвогрунтам относятся *гора, яр, жар, лог, лоск, лощина, осовóк, узлóг, разлóг, дерв̀áн* (*дёрн*), *глей* и др.

4. Среди обозначений растительных ассоциаций укажем термины *пýща, бор, гай, дубрóва, березня́к, óльса (вóльса), верасóч, сенажáть, поплавы́, амшáра* и др.

5. К типам поселений относятся: *печь, двор, весь (вёска), кут, бýда, село, город, стан, хутор, фольвáрок, погóст, окóлоица, вы́селок, застéнок, отрубóк, свúран, озерóды* и др.

6. Экономико-географические термины очень разнообразны. К ним относятся термины производственные: *рудня, гута, мочулище, дерáжня (дражня), тартак, поташня, смолярня, цагéльня, млын* и др. К сельскохозяйственной деятельности относятся: *ля́да, чúсти, рубéж, пáсека, веретéя, новúнка, нива, луг, гонь, птичь* (?), *случь* (?) и др. К транспортным относятся такие, как *брод, перехóдцы, гать, гребля, перевóз, вóлок, перéспа* и др.

В топонимике термины проявляются очень многообразно как в чистом виде, так и в производных формах. Например, термин *город* в виде названий *Городок, Городище, Городея, Гродно, Кожан-Городок* и т. д. Лесные ассоциации проявляются не только в названиях сёл, но и в названиях рек: две реки *Лесная* (иногда в краткой форме *Лéсна*), *Гайная* (*Гайна*), *Уборть* и др. Весьма многочисленны названия сёл *Полесье, Поречье, Куты, Буды, Рудня, Рубеж, Новинка, Дубравы, Осовок* и т. д., названия рек и сёл *Переспа, Полужье (Пáлуж), Свержень, Свидуны, Поплавы, Плиссы* и т. д.

---

[1] Термины *лука* и *плисса* в живой речи не замечены.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

КОРЬ (КОРЁК) КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

1. Общеславянское слово *корь (корёк)* известно в русском языке как географический термин, активно участвующий в образовании топонимов. Довольно систематические и надежные данные по этому слову находим в памятниках русской письменности XV—XVII вв. (актовый материал, Писцовые, Межевые, Переписные, Дозорные книги Русского государства). Более ранние факты представлены единично (XII—XIII вв.). Некоторый материал находим в картотеках областных словарей (Областного Рязанского словаря, Словаря Рязанской Мещеры).

2. Семантика слова *корь (корёк)* обусловлена территориально и хронологически. В Новгородских памятниках XII—XIII вв. это — «корчевье, росчисть; расчищенное под пашню место». В Рязанских и Тульских памятниках XV—XVII вв. *корь* — это «место, расчищенное от леса под пашню»; «место, расчищенное под пашню и вновь заросшее кустарником и мелким лесом»; «небольшой лесок на месте вырубленного». В современных рязанских говорах слово *корь* имеет несколько иную семантику. Это: а) «небольшой лесок или кустарник (среди поля или под лесом) на месте вырубленного леса»; б) «низкое болотистое место, болотце (среди поля или под лесом), заросшее кустарником или покрытое кочками»; в) «возвышенное место» (где, видимо, был *корь*); г) *корь* употребляется как микротопоним, являясь названием местных оврагов, частей леса. *Корёк* имеет образное и переносное употребление: Детей народила целый корёк. Что это у тебя на голове корёк.

3. Основной ареал слова *корь (корёк)* — Среднее правобережное Поочье (территория нынешней Рязанской и Тульской областей). Северной и западной границей этого ареала является р. Ока примерно от устья р. Прони до устья р. Исты; южная граница проходит в верховьях р. Упы и Дона, затем — в бассейнах рек Керди и Верды (притоки р. Прони и р. Рановы). Восточную границу можно провести в верховьях р. Цны и в бассейнах её левых притоков — р. Серпа и р. Шачи, т. е. где-то в пограничном районе сплошного славянского заселения. И лишь на северо-востоке этого ареала *корь* заходит на окское левобережье (по рекам Солотче, Пре, Белой до г. Спас-Клепики). Следы другого, более древнего и уже разрушенного ареала находим в Новгородской земле. Документы фиксируют *корь* на р. Волхове под Новгородом (XII—XIII вв.) и позже (XV—XVI вв.) в виде производных топонимов на всей территории Новгородской колонизации.

4. *Корь (корёк)* как географический термин и топоним имеет свои особенности, обусловленные его морфологической структурой: он обязательно присоединяет к себе суффикс или префикс. В современных говорах он известен только как *корёк (корькй)*, а как топоним обязательно осложнен аффиксами. В функционировании слова *корь (корёк)* как топонима можно наметить две стадии: а) чистый термин с определением: деревни *Бабей Кор, Брылев Корь, Отхожий Корь, Подосинов Кор, Савин Корь* (Ряз.) и *Мокрый Корь, Хвощин Корь, Хворощин Корь* (Тульск.); б) термин, осложненный аффиксами: деревни *Кареево, Корьяково, Корякино, Совинкорино* (Ряз.); *Корино, Корющино* тож; *Корячка, Коряков Конец,* пустошь *Закоршевская* и др. Второй тип топонимов особенно широко представлен на всей территории бывшей новгородской колонизации. Образование топонима идет таким образом: географический термин → топоним 1-й стадии → топоним 2-й стадии: *Совий Корь* (XVII в.) → д. *Савин Корь* (XVIII—XIX вв.) → с. *Совинкорино* Совинкоринского сельсовета Рязанской обл. (XX в.). Первичность 1-й топонимической стадии и вторичность 2-й подтверждается в Поочье и хронологически: 1-я стадия — XVI—XVII вв., 2-я стадия — XIX в. На территории Новгородчины 1-я топонимическая стадия не зафиксирована, возможно, по причинам хронологии, вторая же стадия фиксируется XV—XVI вв.

5. Представляется возможным предположить, что термин *корь* был занесен в Поочье из Новгородской земли и уже к XV—XVII вв. его основным ареалом становится Среднее правобережное Поочье. Это может быть подтверждено следующими фактами: а) в Новгородчине *корь* зафиксирован на два века раньше, чем в Поочье (во вкладной грамоте Варлаама Хутынскому монастырю 1192—1207 гг. и в жалованной грамоте Олега Рязанского Солотчинскому монастырю—1409—1456 гг.); б) в новгородском документе *корь* зафиксирован в составе юридического штампа, в Рязанских же документах — как обычное слово деловой речи; в) в XV—XVI вв. мы находим на Новгородчине 2-ю топонимическую стадию термина *корь,* в Поочье — только 1-ю и лишь в конце XIX в. мы фиксируем в Поочье 2-ю топонимическую стадию.

6. Наличие топонимов с термином *корь* в верховьях Волги и Днепра (г. *Корчев;* д. Петрово, *Корино* тож; с. *Крево,* д. *Корякино* и др.), в бассейне р. Вазузы на р. Угре (д. *Корь*), на левобережье Верхнего Поочья (в Болховском р-не Орловской обл.: д. *Корякина, Кревские* постоялые дворики, *Кареево*) дает возможность приблизительно представить направление, по которому слово *корь* было принесено в Среднее Поочье.

Г. К. КОНКАШПАЕВ

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕСТНОЙ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

1. Народные географические термины на языках тюркских народов Средней Азии и Казахстана многочисленны и разнообразны. Они отражают особенности элементов природы (рельефа, гидрографии, характера ландшафтов и т. д.), своеобразие хозяйства и культуры. Большинство географических терминов у этих народов мало отличаются друг от друга как по значению, так и по произношению. Поэтому они для них являются общими. Некоторые из этих терминов при переходе из одного языка в другой меняют оттенки своего значения в зависимости от характера природных условий и направления хозяйства.

Имеется значительное число терминов, которые носят узкоместный характер и встречаются в одном или нескольких языках народов Средней Азии и Казахстана. Происхождение таких терминов обусловлено либо своеобразием природных условий, либо направлением хозяйства или характером культуры.

2. Многие народные географические термины, бытующие у казахов, киргизов, узбеков и туркмен, имеют широкое распространение и в других тюркских языках. Некоторые из них встречаются также в монгольских языках и изредка в иранских. Такое широкое распространение их обусловлено общностью исторического развития, сходством направления хозяйства и соседством территорий этих народов.

Некоторые тюркоязычные географические термины Средней Азии и Казахстана уже вошли в русскую географическую литературу, а через неё — в научную литературу других народов. Они, войдя в русскую специальную литературу, приобрели более четкое определенное значение, избавившись от прежней многозначности и узкой локальности.

3. Существует значительное число географических терминов, общих для тюркских языков Средней Азии и Казахстана и для монгольских языков. Таких общих терминов насчитывается около четырех десятков (*аил, аймак, арал, булак, даван, нура, обо, сала, тала, кыр* и т. д.). Определить их языковое происхождение в настоящее время представляет большую трудность. Но, несмотря на это, можно установить, что некоторые монгольские термины были заимствованы тюркскими народами Средней Азии и Казахстана. Так, например, термины *нура* (узкая долина, балка), *хара* (сопка), *обо* (сло-

женная куча камней) появились в казахском языке; *дабан* (перевал) — в узбекском и киргизском языках.

4. В тюркских языках Средней Азии и Казахстана имеется значительное количество географических терминов ирано-арабского происхождения. Они давно вошли в местные языки и употребляются наравне с терминами местного происхождения, а их иноязычное происхождение ныне почти забыто. Число таких терминов в местных языках по приблизительным подсчетам превышает 50.

Термины ирано-арабского происхождения в основном связаны с культурой оседлого населения. В них отражены типы поселения и виды различных сооружений (ирригационные, гражданские, военные, культурные).

К категории этих терминов относятся: *шахар* — «город»; *кала* — «город, крепость»; *абад* — «город, селение»; *кент (кенд)* — «селение, город»; *хисар (асар)* — «замок, дворец, крепость»; *арк* — «цитадель, замок»; *рабат* — «укрепление»; *мазар, беит* — «надмогильное сооружение» и т. д.

Термины ирригации: *кяриз* — «подземный водосборный канал»; *сардоба* — «крытое водохранилище»; *яп, джуй* — «канал»; *бент, дербент* — «плотина» и т. д.

Физико-географические термины: *дарья* — «река, море»; *чешмя* — «родник»; *дашт* — «степь», *санг* — «камень», *сенгир* — «скалистая возвышенность»; *гар* — «пещера»; *шамал (самал)* — «ветер», *гармсиль* — «горячий ветер» и т. д.

Ирано-арабские географические термины встречаются чаще в языках узбеков и туркмен, нежели у казахов и киргизов. Удаленность территорий от культурных центров Средней Азии и своеобразное направление хозяйства последних, видимо, мало способствовали интенсивному проникновению в их языки ирано-арабских терминов.

5. В тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана имеется большое количество метафор, т. е. слов, употребляемых по отношению к географическим объектам в переносном смысле. Многие из них связаны с частями тела человека и животных: рот, губа, нос, надбровные дуги, глаз, мозг, горло, шея, плечо, грудь, птичий клюв, круп лошади, шея и горб верблюда и т. д. Только в казахском языке таких терминов насчитывается около 30. Названия частей жилища (дверь, место у стены, противоположной двери, стена и т. д.), одежды (подол, воротник, пазуха, нижняя часть штанины и т. д.) также служат терминами.

6. Местные тюркские географические термины часто входят в состав географических названий или реже — сами становятся топонимами. В Казахстане около половины топонимов образовано при участии народных географических терминов. Из 15 тыс. тюркоязычных топонимов, подписанных на

карте Казахстана (м. 1 : 500 000), 7960 связаны с географическими терминами.

В образовании топонимов Казахстана и Средней Азии участвуют почти все виды народных географических терминов. Ведущую роль в нем играют термины, отражающие элементы гидрографии и рельефа, а затем идут термины, относящиеся к различным сторонам хозяйства и культуры. В Казахстане из топонимов, связанных с народными терминами, 3300 относятся к гидрографии, 2260 к рельефу, 1360 к культуре и хозяйству. Местные термины, отражающие особенности климата, мало связаны с географическими названиями. Эти термины почти не имеют ориентирного значения, без которого топоним теряет свой смысл.

В. Н. ПОПОВА

ИНФОРМАЦИОННАЯ РОЛЬ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ

1. В лексико-грамматическом отношении для тюркской топонимической системы самый распространенный способ словообразования — словосложение (словосочетание), состоящее из определения и определяемого. «Такая модель топонима «определение+определяемое» располагает большей возможностью получения информации о характере объекта, чем суффиксальная модель» (Н. В. Подольская).

2. Основным структурным стержнем (ключевым словом) в тюркском топониме является географический термин (находящийся в постпозиции; его мы, вслед за П. Лебелем и Б. А. Серебренниковым, называем индикатором), который несет значительную смысловую нагрузку: в нем заключена детализирующая информация о характере объекта.

3. Это можно подтвердить примерами из казахской гидронимии Павлодарской области, в составе которой мы выделяем 50 индикаторов (в составе названий рек—13, озёр—21, родников—11, колодцев—5).

4. По наличным индикаторам названия рек, с учётом ряда общих семантических черт, подразделяются на пять групп:

1-я группа — *озен* и *су. Озен* — выражает общее значение реки у казахов; *су* — общетюркский индикатор, употребляющийся в значении «вода», «река»;

2-я группа — производные от *су: аксу, карасу, ащысу, тущысу,* выражающие вкус, цвет и качество воды;

3-я группа — небольшие пересыхающие речки, протоки; лог, балка — *озек, сай;*

4-я группа выделяется по характеру течения и наличию разветвления — *айрык, аша;*

5-я группа — маловодные, пересыхающие, распадающиеся на плесы речки — *еспе, мукыр, сокыр.*

5. Индикаторы в составе названий озёр позволяют подразделить их на следующие шесть групп:

1-я группа — широкие, большие по размерам, с необозримой водной гладью — *кол, теніз, шалкар, жалтыр, жалпак;*

2-я группа — озёра с топким дном — *сор, батпак, балкаш, ми;*

3-я группа — озёра с обильным выходом грунтовых вод, заболоченные, опасные зыбунами, трясиной — *томар, копа, былкылдак;*

4-я группа — озёра, расположенные в низинах с тучной луговой растительностью — *бидайык, ой, шункыр, шыганак;*

5-я группа — мелководные озёра, пересыхающие летом; на их месте образуются голые, почти бесплодные, лишенные растительности солонцовые глинистые поверхности—*как, такыр, татыр;*

6-я группа — соленые, с хорошей самосадочной солью или горько-солёные озёра — *туз, ащы.*

6. В составе названий родников самый распространенный на территории большинства тюркоязычных народов термин — *булак,* иногда приобретает дополнительное значение «ручей», «речка», а в соединении с определениями *кайнар, каскат, кара, акпа, акан* образует индикаторы, которые детализируют характер родников. *Кайнарбулак* букв.—«кипящий источник», «ключ, бьющий под напором», «восходящий источник»; *каскатбулак (каскаатбулак)*—«лысый ручей (родник)», «быстрый горный ручей с большим падением и бедной растительностью по берегам». *Акпабулак* и *аканбулак* имеют общее в своем составе *-ак* «течь»: *акпабулак*—«источник», *аканбулак*—«текущий, жидкий»; *үйірім*—«омут, водоворот».

7. Характер колодцев отражен в индикаторах — *кудык, апан, кауга, шынрау, шункыр.* Из них *кудык* — «колодец (всякий)», *апан*—«яма, небольшое углубление на месте обвалившегося колодца; старый, завалившийся колодец», *кауга* букв.— «бадья (ведро)», а в соединении с *бес*—«пять», *мын*—«тысяча» и др. приобретает смысл «обильный водой колодец», *шынрау*—«глубокий колодец», «пропасть»; шункыр—«колодец во впадине, яме».

К. Ф. ГРИЦЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ЯКУТСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ

В якутских названиях рек и озёр употребляются разнообразные географические термины, указывающие на разновидность обозначаемого ими водного объекта. Среди них встречаются такие, как *сээн, сиэн, билир, элгэн* и *ункур*. Представляет интерес происхождение указанных терминов и их связь с другими языками.

1. Термины *сээн* и *сиэн*. Термин *сээн* довольно часто употребляется в названиях рек и служит для обозначения истока, виски, пролива, соединяющего реку с озером и имеющего сток в реку. В эвенкийском языке слово *сэн* (*хэн, шэн*) — «протока, курья (из озера в реку)», а в нанайском *сэн* — «устье реки». Якутский термин *сиэн* имеет значение, близкое к *сээн:* «сток, излияние озера, исток, виска, приток, соединяющий два озера, приток, разветвление, ветвь». Кроме этого, слово *сиэн* в якутском языке означает различную степень родства. Например: потомство по женской линии, родство по замужеству, потомство от родителей разных национальностей (*хос сиэн* — «правнук», *нуучча сиэнэ* — «родившийся от русского; ср. *куол сиэнэ* — «исток из озера» и т. п.). В этом плане якутское *сиэн* имеет соответствующие параллели в других тюркских языках (например, алтайское *јеен* — «племянник, сын сестры»). На этом основании представляется возможным связать якутские географические термины *сээн* и *сиэн* и возвести их к одному корню, общему тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам.

2. Термин *билир* означает «соединение двух рек, узел, мыс, выступающий между двумя сходящимися реками». *Билир* употребляется в названиях рек и местным населением переводится также как «приток». В «Словаре местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых приводится для Восточной Сибири термин *бильчир* — «место слияния двух рек» и соответствующие этому термину формы: *бельдир* в Туве, *бельтир* на Алтае, *пильтир* у хакассов, *бэльчир* — в Монголии. Кажется правомерным поставить в этот же ряд якутский термин *билир:* тюрк *лт(д)* переходит в *л,* подобно тому как джагат. *лт* в словах *олтур* — «сидеть» и *öltür* — «убивать» переходит в *л* в соответствующих якутских словах *олор* и *олор.*

3 Якутский термин *элгэн (элгээн)* означает небольшое и неглубокое, обычно длинное озеро, образовавшееся на месте старой протоки или небольшого залива. *Элгэн* также общее название озёр, которые соединяются рекой. Так они объясняются местным населением Усть-Алданского района Якутской

АССР. На карте Сибири, на территории Якутии и за её пределами на востоке и западе, есть несколько озёр и рек с названием *Эльген* (два из них имеют форму *Эльгян* и *Эльган*).

Приведенные гидронимы (*Эльген, Эльгян* и *Эльган*), как и устные названия озёр Усть-Алданского района, мы предположительно связываем с отмеченным в учурско-зейском диалекте эвенкийского языка словом *элгэн,* означающим «у́лово».

4. В якутской гидронимии имеет распространение слово *ункур* (буквально «покатный, каткий», что легко катится). Объяснения местных жителей значения этого слова в географических названиях сходятся на том, что так называют глубокое озеро с крутыми обрывистыми берегами. Якутские словари не дают слово *ункур* в значении какого-либо географического термина; однако в словарях некоторых других тюркских языков это слово в разных вариантах приводится как географический термин со значением «яма, пещера, низменность». В монгольских языках также имеется этот термин с подобным же значением (монг. *хунхур*—«впадина, ложбина, низина, овраг»; бур.-мон. *хунхэр*—«овраг»). В основе якутского *ункур* как географического термина, на наш взгляд, лежит то же значение, что и в тюркско-монгольских языках, несколько переосмысленное, применительно к ландшафтным особенностям: здесь оно указывает на характер озера (реже реки).

Ю. С. АЗАРХ

НАЗВАНИЯ ПАХОТНЫХ И СЕНОКОСНЫХ УГОДИЙ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

I. Лексико-семантический состав. 1) Наименования пахотных угодий: а) участки распаханной земли, б) пашня, расчищенная из-под леса, в) пахотные участки по способу их обработки, г) целина, д) участки утратившей плодородие земли, е) пахотные участки по их расположению к другим объектам, ж) пахотные поля по их ландшафту, з) наименования полей по качеству почвы (плодородные и неплодородные участки), и) незасеянные участки земли. 2) Наименования сенокосных угодий: а) общие названия сенокосных угодий, б) скошенный луг, в) расчищенные из-под леса сенокосные угодья; общность этих названий с обозначениями пашни, расчищенной из-под леса, г) сенокосные участки по их расположению к другим объектам (лесу, реке, полю, селу, болоту), д) сенокосные участки по их ландшафту.

Четкость семантических моделей производящих основ названий участков земли, расчищенной из-под леса [отглаголь-

ные образования с корнями, обозначающими способ расчистки леса,— выжигание (*-гар-, -пал-: гарь, вы́гарь, и́згарь, пал, паль, паленина* и др.), вырубка (*-сек-, -чист-: подсе́ка, ро́ссечь, сечь, за́чисть, ро́счисть, чисть* и др.), корчевка (*-дер/-дор-, -тереб-, -коп-: дор, дра́ки, ро́здерть, по́тереб, при́тереб, те́реб, ко́пань* и др.)]; участков земли по способу обработки [названия распаханной земли — производные от глагольных основ со значением «пахать» (*-пах-: па́шня, пахани́на, па́харь* и др., *-ор-: ора́ма, орами́ца, орани́на, о́рань* и др.); названия скошенного луга — отглагольные образования от основ со значением «косить» (*зако́с, кошенина, поко́с, ро́скось* и др.)]; участков земли по их расположению к другим объектам [отыменные префиксально-суффиксальные образования от основ, указывающих на объект, соседний с данным участком земли (*вспо́лье, запо́лек, зао́сек, одво́рина, подхле́бица* и др.)]. Меньшая семантическая четкость моделей наименований пахотных и сенокосных участков по ландшафту. Многозначность названий угодий, утративших связь с производящими основами (*за́и́мище, кули́га, ляда, ни́ва, ра́менье* и др.), использование их не только в качестве сельскохозяйственных, но также терминов физической географии.

Территориальное распространение синонимических названий угодий, образованных от глагольных основ с разными корнями.

Отражение наименований пахотных и сенокосных угодий в деловых документах XV—XVII вв.

II. Словообразовательная структура. Характерные словообразовательные типы: 1) Бессуффиксальные отглагольные имена: а) м. р. на твердый согласный: *дор, зако́с, на́волок, пал, подсе́к,* и др.; ж. р. на мягкий согласный: *вы́пашь, гарь, не́кось, при́теребь, ро́сплавь* и др.; продуктивность этой словообразовательной модели; в) ж. р. на *-а: вы́жига, де́рба, по́жа, пристра́да* и др. 2) Суффиксальные образования. Отглагольные имена с суффиксами *-ок/-ек-*, характерные для псковских и тверских говоров (*насе́вок, переро́к, перепа́шек* и др.), и синонимичные образования с суффиксом *-к(а)* в северо-восточных говорах. Отыменные образования с суффиксами *-ин(а), -иц(а), -ищ(е)*. 3) Префиксально-суффиксальные отыменные существительные на *-ье*.

III. Использование названий пахотных и сенокосных угодий в топонимике. Преобладание на северо-востоке и крайнем северо-западе европейской части России топонимов (названий населенных пунктов) [1], генетически связанных с терминами сенокосных угодий, а на территории Нечерноземного Центра — с терминами пахотных угодий.

---

[1] По данным «Списков населенных мест Российской Империи».

Использование в топонимике главным образом таких названий пахотных и сенокосных угодий, которые употребительны и в качестве терминов физической географии (*дор, кулига, наволок, раменье* и др.). Редкое использование в качестве топонимов слов, относящихся лишь к земледельческой лексике (*нива, пашня, роспашь* и др.), причем в топонимах преимущественно с определениями.

Наиболее частое употребление в качестве топонимов таких названий пахотных и сенокосных угодий, которые на данной территории уже перестали быть нарицательными именами (например, значительное количество названий населенных пунктов со словами *дор, дорок, дорки* большей частью с определениями на территории быв. Ярославской губернии, где эти слова уже не употребительны в качестве названий угодий, и редкость топонимов со словом *дор* при обязательном определении на территории быв. Архангельской губернии, где это слово известно как местный географический термин).

Использование терминов подсечного земледелия в микротопонимике.

Э. Г. БЕККЕР

СЕЛЬКУПСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

1. На территории Западной Сибири богато представлена гидронимия селькупского происхождения. Материалы полевых записей по нарымским селькупам позволяют выделить названия с формантами *-кы (-гы)* «река», *-кыге*—«речка», *-ундж*ъ—«ручей», «речка», *-то*—«озеро», *ту*—«озеро», *-ангу (-анга), -акка*—«старица» и др. Селькупские названия рек на *-кы (-гы), -кыге* имеют на современных картах исход на *-ка (-га); ундж*ъ — на *-ундж, -унжа*. Названия на *-ангу* представлены на картах формантом *-анга*. Термины *-то, -ту* остались без изменения.

2. Ряд терминов отражает диалектную дифференциацию селькупского языка и имеет четкую локализацию. К ним относятся форманты *-то, -ту, -анга, -акка*. Формант *-то* характерен для кетского диалекта селькупского языка и языка чаинских и обских селькупов. Названия озер на *-то* составляют компактный ареал в бассейне реки Кеть, в верховьях Оби и в бассейне Чая, т. е. на территории современного и былого проживания носителей вышеназванных диалектов. Формант *-ту* восходит к чижапскому и тымскому говорам селькупского языка; названия на *-ту* распространены в бассейнах рек Парабель, Васюган, Чижапка и в бассейне реки Тым. Наличие на картах территории бассейна реки Таз (Красно-

ярский край) названий озер на *-то* может говорить о миграции кетских и обских селькупов на северо-восток, так как, по данным А. Кастрена, слово «озеро» выступало у тазовских, баихинских и карасинских самоедов только в форме *ту*.

3. Ареал гидронимов на *-ангу (-анга)* совпадает в основном с ареалом названий на *-то,* а ареал гидронимов на *-акка* — с ареалом названий на *-ту*.

4. Форманты *-анга* и *-акка* мы рассматриваем как сочетание двух слов: *анг* (кетский, верхнеобской диалект), *ак* (чижапский, тымский говоры) — «устье», *ка, га*—«река». Такая этимологизация подтверждается формой *ангу,* зафиксированной нами, гидронимом *Анги,* отмеченным в «Полном собрании уч. путешествий Фалька», т. 6, и определением, данным С. И. Ольгович: «*Анга* — это часть реки в которой вода содержит мало кислорода, часто старое русло реки с затхлой водой...» (см. статью: Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири. «Сб. ст. по вопросам языкознания и методике преподавания ин. языков», Томск, 1964, стр. 30).

5. Слово *унжа* бытует в карасинском диалекте селькупского языка в форме *унджа* (см. П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, ч. I. С-Петербург, 1787), нами оно записано из уст коренной тымской селькупки в форме *унджъ*. Следует отметить, что гидронимы, имеющие в своем исходе формант *-унджъ,* распространены не только на территории карасинских самоедов и тымских селькупов, ставшей нам известной, но и далеко за пределами её.

А. П. ДУЛЬЗОН

ЭТНИЧЕСКИ ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ТОПОНИМЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1. Поставленная задача сводится к тому, чтобы до изучения субстратного языка и его диалектов найти этнически дифференцирующие признаки в общей массе топонимов, русских по употреблению.

2. Такое предварительное исследование дает возможность конкретизировать поиски определенного языка и его диалектов и установить группы слов и форм этого языка, подлежащих изучению в первую очередь.

3. Изучение топонимии определенной территории начинается после группировки названий по обозначаемым объектам,

с выявления имеющихся среди них формальных рядов по наличию какой-нибудь общности (общие компоненты, общие слоги, общие звуки в определенных позициях).

4. После нанесения на карту такие отобранные названия становятся «наводящими» при сравнении их частотного коэффициента с «чисто русским» эталоном, полученным по такой территории, для которой нет оснований предполагать наличие иноязычного субстрата. Несоответствие по степени плотности с эталоном сравнения указывает на наличие субстрата.

5. Точно дифференцирующими этнически отдельные звуки в русских топонимах никогда не являются: они становятся такими лишь в составе определенного слога или слогов, которые устанавливаются в местах уплотнения с последующим наложением на карту проживания дорусского населения. Такие морфологические приметы топонимов можно назвать топоформантами.

6. Выявление топоформантов позволяет конкретизировать язык и диалект, на основании чего можно начать сплошное изучение топонимов, находящихся в пределах найденного ареала.

7. Сплошное изучение топонимии ограниченной территории приводит обычно к выявлению ряда дополнительных (включенных) ареалов, которые в своей совокупности составляют тополандшафт данного района.

8. Внимательное изучение тополандшафта позволяет не только уточнить былые места расселения различных групп прежних носителей топонимов, но и определить наличие и направление их передвижений.

9. Особенно важным является изучение пробелов тополандшафта в виде клиньев, полос и островков; они могут быть необходимыми, ложными, кажущимися или фактическими.

10. Фактические пробелы возникают вследствие того, что они заполняются топонимами иного происхождения, характерные приметы которых не были учтены. Когда эти приметы найдены, все пробелы заполняются, и, кроме того, могут быть выявлены точечные вкрапления.

11. Сравнительное изучение соседних, а также более отдаленных тополандшафтов, которые имеют некоторые общности, нередко позволяет отделить реликтовые явления от более поздних наслоений, установить последовательность и направление миграций.

12. Лингвистическая интерпретация тополандшафта в целях решения этногенетических вопросов дает только один из возможных вариантов решения; выводы окончательного характера предполагают полный учет всех относящихся сюда фактов истории, археологии, этнографии и антропологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова

Стр.

Э. М. Мурзаев (Москва). Местные географические термины и их роль в топонимике 3

Ю. А. Карпенко (Черновцы). Взаимосвязь географических терминов и топонимов 6

Н. В. Подольская (Москва). Народные географические термины в терминологической системе 10

В. И. Тагунова (Муром). Некоторые исторические изменения в географических терминах 12

Е. М. Поспелов (Москва). Географическая терминология в анализе субстратной топонимии 14

Н. И. Толстой (Москва). Некоторые проблемы и задачи изучения славянских географических терминов 16

В. М. Мокиенко (Ленинград). Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением «болото» 19

В. А. Жучкевич (Минск). Местные географические термины в топонимии БССР 21

Г. П. Смолицкая (Москва). *Корь (корёк)* как географический термин 23

Г. К. Конкашпаев (Алма-Ата). Общие закономерности местной тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана 25

В. Н. Попова (Чимкент). Информационная роль тюркских географических терминов в составе топонимов 27

К. Ф. Гриценко (Томск). О некоторых якутских географических терминах 29

Ю. С. Азарх (Москва). Названия пахотных и сенокосных угодий в севернорусских говорах 30

Э. Г. Беккер (Томск). Селькупские географические термины 32

А. П. Дульзон (Томск). Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока 33

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Форм. бум. 60×92¹/₁₆ Тираж 400 2,25 печ. л.
Т—11308 Цена 16 коп. Зак. № 443—66 г.

Типография Военной академии ГШ